

УДК 811.511.132

Пономарева Лариса Геннадьевна
г. Кудымкар, независимый исследователь
dojegpl@gmail.com

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМИ-
ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА В ИЗДАНИИ «СВЯТЫЙ СТЕФАНЪ
ВЕЛИКОПЕРМСКИЙ. НА ПЕРМЯЦКОМЪ ЯЗЫКЪ» 1899 ГОДА**

Аннотация. В статье описываются фонетические особенности коми-пермяцкого языка в тексте 1899 г. Все выявленные особенности сравниваются с явлениями, проявляющимися в современных коми-

пермяцких диалектах и коми-пермяцком литературном языке. По зафиксированным языковым особенностям делается предварительная попытка определения коми-пермяцкого диалекта, легшего в основу данного текста.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, диалекты, письменные памятники, фонетические особенности.

Введение

Несмотря на то, что коми-пермяцкий язык приобрел литературную норму только после революции 1917 г. (КПЯ 1962: 34), письменность на нём появилась задолго до этого времени. На сегодня известно, что первые письменные памятники по коми-пермяцкому языку относятся к XVIII в. (КПЯ 1962: 147; Баталова 1975: 7 и др.). До появления литературной нормы писались словари, грамматики, учебники, переводная литература религиозного, медицинского и художественного содержания на разных коми-пермяцких диалектах. К настоящему времени известно около 70 памятников письменности, представляющих пермяцкий язык досоветского времени (Гайдамашко, Левичкин 2020: 258). К сожалению, многие из них до сих пор не изданы и не исследованы.

В развитии письменности на коми-пермяцком языке важную роль сыграл Яков Васильевич Шестаков¹. В конце XIX – начале XX в. им было издано на разных пермяцких диалектах 12 книг разного жанра. Одним из его изданий является публикация «Святыи Стефанъ Великопермскій. На пермяцкомъ языкѣ» 1899 года, которая является объектом нашего исследования.

В данной статье мы опишем фонетические особенности коми-пермяцкого языка, отраженные в вышеназванном издании.

«Святыи Стефанъ Великопермскій. На пермяцкомъ языкѣ» (1899): общий обзор

Объём названного переводного текста составляет 42 страницы. Автор текста не указан, на обложке книги лишь отмечено, что это издание Якова Шестакова.

Коми-пермяцкий текст состоит из девяти глав, которые повествуют о жизни и деятельности Стефана Пермского.

---

¹ Яков Васильевич Шестаков (псевдоним Камасинский) – священник, миссионер, краевед, писатель, издатель.

Анализируемый коми-пермяцкий текст написан с использованием кириллической системы письма. Текст переведен с русского языка. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, многочисленные синтаксические конструкции, свойственные русскому языку и не характерные коми-пермяцкому, например: *Бур кыллэз степанлӧн дивуйтӧмась Герасимӧс.* (Св. Стефанъ, 10¹) // кп. лит. *Степанлӧн бур кыввез дивуйтӧмась Герасимӧс.* ‘Хорошие слова Степана удивили, оказывается, Герасима’ (порядок слов в притяжательных конструкциях) и др.

В книге нигде не отмечается диалект, на котором она написана. Анализ языковых особенностей данного труда позволит установить его диалектную основу.

Фонетические особенности коми-пермяцкого языка в данном тексте

В рассматриваемом издании нашли отражение самые разные фонетические особенности:

1. Употребление этимологического звука [л] в первичном виде. Коми-пермяцкие диалекты разнятся, в первую очередь, особенностями употребления этимологического звука [л]. В одних диалектах этот согласный звук функционирует в первичном виде (в виде твердого звука [л]), в других же он переходит в звук [в] или [e]², или [w], или [w̃], или [Ø]. В данном коми-пермяцком тексте этот этимологический твёрдый звук [л] сохраняется в первичном виде во всех позициях: а) в начале слова: *локтӧ* (с. 4) ‘он(а) идёт’, *лоны* (с. 4) ‘стать, становиться’; б) в середине слова перед согласным звуком: *кылзӧмӧн* (с. 6) ‘слушая’, *отсалны* (с. 5) ‘помочь’; в) в середине слова перед гласным звуком: *Степанлӧн* (с. 41) ‘у Степана’ (род. п.), *Енлӧ* (с. 3) ‘Богу’; г) в конце слова: *лапӧл* (с. 4) ‘сторона’, *кыл* (с. 7) ‘язык’. Нами зафиксирован только один пример, в котором перед гласным звуком идёт звук [в], передающийся на письме соответствующей буквой *в*: *вичкувӧн* (с. 3) ‘церкви’ (род. п.). На основании одного примера невозможно делать какие-либо суждения. Поскольку во всех остальных примерах с этимологическим звуком [л] последний в них сохраняется, то можно констатировать, что в рассматриваемом тексте отражен один из эловых диалектов коми-пермяцкого языка.

¹ Далее в ссылке на источник будет указываться только номер страницы.

² Произносится ослабленно.

2. Прогрессивная ассимиляция звука [й] в суффиксе множественного числа имен существительных [-йэз] предшествующим согласным звуком основы слова. Это наблюдается в таких позициях: а) после твердых согласных звуков: *гөддэз* (с. 3) ‘годы, года’, *лоллэз* (с. 10) ‘души’; б) после мягких согласных звуков: *веруйтхьсьсез* (с. 3) ‘верующие’, *ольхьсьсез* (с. 6) ‘живущие’. Сегодня ассимиляция согласного [й] (в [-йэз]) свойственна большинству коми-пермяцких диалектов, а также коми-пермяцкому литературному языку.

3. Выпадение согласного звука [з] в показателе множественного числа имени существительного [-йэз]. Это явление наблюдается, как правило, в тех случаях, когда за этим суффиксом идёт падежный показатель, начинающийся с гласного звука. Нами обнаружены примеры в следующих падежах: исходном, винительном, вступительном, местном, творительном, а также в именительном падеже с притяжательно-указательным суффиксом (-ыс), например: св. *апостоллэыс* (с. 10) ‘из святых апостолов’ (исх. п.) // кп. лит. св. *апостоллэзыс*; *буртераннэ* (с. 6) ‘на хорошие дела’ (вступ. п.) // кп. лит. *бур кераннэзö*; *вöрреын* (с. 11) ‘в лесах’ (местн. п.) // кп. лит. *вöррезын*; *звирреöс* (с. 11) ‘зверей’ (вин. п.) // кп. лит. *зверрезöс*; *лоллэон* (с. 11) ‘душами’ (тв. п.) // кп. лит. *ловвезöн*; *идöллэыс* (с. 13) ‘их идолы’ (им. п.) // кп. лит. *идоллэзыс* (*идоллэс*). Нами зафиксирован один пример, в котором согласный [з] суффикса [-йэз] выпадает перед падежным суффиксом творительного падежа, начинающегося с согласного звука (-на – в лично-притяжательном склонении): *синнэнаныс* (с. 29) ‘они своими глазами’ // кп. лит. *синнэзнаныс*. В одном случае в вышеуказанном положении согласный звук [з] в суффиксе [-йэз] сохраняется: *прывычкаезöн* (с. 14) ‘привычками’ // кп. лит. *прывычкаэзöн*. По мнению Р.М. Баталовой (Баталова 1975: 67), выпадение [з] в составе суффикса множественного числа [-йэз] свойственно как ряду северных пермяцких диалектов, так и южных. Согласно Р.М. Баталовой, в северных диалектах звук [з] в [-йэз] сохраняется в мысовском и верх-лупьинском диалектах, а также в нижнекосинском и левичанском говорах косинско-камского диалекта (Баталова 1975: 67).

4. Выпадение согласного звука [j̥] в интервокальном положении. В положении между гласными звуками согласный звук [j̥] может выпадать, например: *сыӧ* (с. 6) ‘его’ (вин. п.) // кп. лит. *сийӧ*; *сёйсьсеӧн* (с. 12) ‘сседающими’ (тв. п.) // кп. лит. *сёйиссезӧн*. По мнению Р.М. Баталовой, согласный звук [j̥] выпадает в интервокальном положении во всех коми-пермяцких диалектах (Баталова 1975: 50). Нами зафиксированы в тексте также примеры, в которых в подобном положении согласный звук [j̥] не выпадает, например: *вийены* (с. 16) ‘убивают’ // кп. лит. *вийӧны*; *вийян* (с. 20) ‘убивающий’ // кп. лит. *виян*.

5. Регрессивное оглушение. Для устной речи коми-пермяков характерно явление регрессивного оглушения в случае, когда глухому согласному звуку предшествует звонкий консонант. В этих случаях глухой согласный звук уподобляет себе (оглушает) впереди стоящий звонкий консонант. Подобные примеры в тексте пишутся подобно тому, как они произносятся, например: *бытсӧн* (с. 20) ‘весь, полностью’ // кп. лит. *быдсӧн*; *лэптӧм* (с. 22) ‘(он) поднял (оказывается)’ // кп. лит. *лэптӧм*; *вешсемвылӧ* (с. 31) ‘на изменение’ // кп. лит. *вешсьӧм вылӧ* и др. В редких случаях в тексте в указанном положении отсутствует оглушение, например: *гажтӧм* (с. 14) ‘скучная’ // кп. лит. *гажтӧм*; *ӧзтыны* (с. 19) ‘зажечь’ // кп. лит. *ӧзтыны*. В коми-пермяцком литературном языке подобные примеры следует писать с помощью морфологического принципа, без оглушения.

6. Регрессивная аффрикатизация в сочетаниях согласных -тч- и -дч-. Аффриката [ч] делает себе подобной впереди стоящий звук [т] или [д], например: *юрбыччӧм* (с. 4) ‘(он) молился’ // кп. лит. *юрбитчӧм*; *велӧччӧмӧн* (с. 4) ‘учёбой’ // кп. лит. *велӧтчӧмӧн* и др. В тексте изредка встречаются примеры, в которых в подобном положении явление аффрикатизации, наблюдаемое в произношении, не отражено, например: *вердчӧм* (с. 11) ‘(он) питался’ // кп. лит. *вердчӧм*; *пыртчыны* (с. 19) ‘принять крещение’ // кп. лит. *пыртчыны*. В коми-пермяцком литературном языке слова с регрессивной аффрикатизацией принято писать с помощью морфологического принципа. В тексте присутствует также пример, в котором сегодня в коми-пермяцком литературном языке согласный звук [т] в сочетании -тч- не проявляется: *куртчӧлты*¹ (с. 32) ‘укусить’ // кп. лит. *курччӧвтны*.

¹ В слове пропущена буква *н*, следовало писать: *куртчӧлтны*.

7. Аффрикатизация согласных звуков [ж] и [зʹ]. На это явление нами зафиксировано два примера: *не мөднөжса* (с. 5) ‘не по-другому’ // кп. лит. *не мөднөжса*; *козыннэз* (с. 12) ‘подарки’ // кп. лит. *козыннэз*. Подобные примеры замечены Р.М. Баталовой и в современных коми-пермяцких говорах: больше-кочинском и кочёвском (Баталова 1975: 61). Конечно, чаще всего в пермяцких диалектах явление аффрикатизации наблюдается в формах сравнительной степени имени прилагательного и наречия с суффиксом *-жык*, например: пукс. *курътджык* < *курыт* + *жык* ‘горче’, ис. *учётджык* < *учёт* + *жык* ‘меньше, моложе’ и др. (Баталова 1975: 61). Подобный случай нами зафиксирован и в тексте: *ојжэжык* (с. 3) ‘раньше, до чего-либо’ // кп. лит. *одзжык*. В этом примере на стыке аффрикаты [дз-] основы слова и согласного звука [-ж] суффикса (*-жык*) образовалась удвоенная аффриката *-дждж*¹.

8. Деаффрикатизация. Выявлена в следующих примерах: *сэшөм* (с. 14) ‘такой’ // кп. лит. *сэтишөм*; *сэишөмсь* (с. 13) ‘такие’ // кп. лит. *сэтишөмсь*; *эишөм* (с. 18) ‘вот такой’ // кп. лит. *эттишөм*. Это явление отмечено во многих коми-пермяцких диалектах (Баталова 1975: 60-61).

9. Переход [к] в [тʹ] и [з] в [дʹ] перед гласными [э] и [и]. На это явление нами зафиксировано два примера: *буртераннэб* (с. 6) ‘в хорошие дела’ (вступ. п.) // кп. лит. *бур кераннэб*; *Бередишчө* (с. 16) ‘берегитесь’ // кп. лит. *берегитчө*. Согласно Р.М. Баталовой (Баталова 1975: 59-60), это явление может встречаться во многих говорах как северного наречия коми-пермяцкого языка, так и южного.

10. Употребление звука [л] вместо [й] в одной основе *келм-* // кп. лит. *кейм-*: *келмисемөн* (с. 6) ‘молясь’, *келмисьлөмась* (с. 13) ‘(они) молились (многократно)’, *келмисем* (с. 20) ‘(он) молился (оказывается)’. Сегодня эта особенность зафиксирована пока лишь в кочёвском диалекте коми-пермяцкого языка, например: *та н'а лэ птышитис кл'эйо нкасө. си'йа мэ нам сэ төн д'э н'габ. ко лө пө домовө йлө кэ'лмис'ны*. ‘Таня приподняла клеёнку. У меня деньги там. Надо, мол, домового просить’ (Пономарева 2016: 43).

11. Вставка звуков [в] и [й] в интервокальном положении. На это явление нами зафиксировано в тексте по одному примеру:

¹ В тексте аффриката *дж* обозначена на письме с помощью специфической буквы *жс*.

каравулитӧм (с. 20) ‘(он) караулил’ // кп. лит. *каравулитӧм*; *Кіят* (с. 22) ‘в (твою) руку (вступ. п.)’ // кп. лит. киат. Вставочный звук [в] в указанном положении может встречаться во всех севернопермяцких диалектах (Баталова 1975: 43; Дмитриева 1998: 11; Пономарева 2002: 66).

12. Факультативное употребление звука [o] на месте звука [ö] в коми-пермяцком литературном языке. Это зафиксировано нами в двух исконных корнях: *кор* (с. 4) ‘когда’ // кп. лит. *кӧр*; *конья* (с. 12) ‘которые’ // кп. лит. *кӧдна*. На данное явление Р.М. Баталовой больше примеров обнаружено в северных диалектах коми-пермяцкого языка (Баталова 1975: 73). В рассматриваемом издании данные слова встречаются и с гласным звуком [ö]: *кӧр* (с. 3, 8, 13, 16), *кӧна* (с. 7, 10, 11, 17).

13. Употребление звука [y] на месте современного коми-пермяцкого литературного [ы] в одном корне: *кучӧм* (с. 5) ‘какой’ // кп. лит. *кытиӧм*; *кучомӧ* (с. 11) ‘какую’ (вин. п.) // кп. лит. *кытиӧмӧ*; *кучӧмкӧ* (с. 12) ‘какой-то’ // кп. лит. *кытиӧмкӧ*. Сегодня вариант *кытиӧм* встречается наряду с *кытиӧм* во всех северных диалектах коми-пермяцкого языка (Баталова 1975: 79; Пономарева 2016: 50, 57, 69, 79, 80, 126, 129, 131, 134, 196, 189, 269, 271, 301, 267).

14. Функционирование гласного звука [ы] на месте коми-пермяцкого литературного [y] в одном корне: *дыдыӓз* (с. 15) ‘голуби’ // кп. лит. *дудӓз*; *дыдывӧй* (с. 17) ‘голубиный’ // кп. лит. *дудӧвӧй*. Слово ‘голубь’ в форме *дыды* зафиксировано в кочёвском диалекте коми-пермяцкого языка (КЭСКЯ 1999: 97).

Далее отметим фонетические особенности в русских заимствованиях.

15. Переход звука [o] в [ö]. В некоторых русских заимствованиях со звуком [o], последний переходит в коми-пермяцкий звук [ö], который передаётся на письме соответствующей буквой *ӧ*, например: *гӧддӓз* (с. 3) ‘года’, *пӧра* (с. 4) ‘пора’, *гӧлӧс* (с. 8) ‘голос’ и др. Эта особенность наблюдается сегодня во многих коми-пермяцких диалектах. По суждениям Р.М. Баталовой (Баталова 1975: 70), в севернопермяцких диалектах это явление имеет большее распространение, чем в южнопермяцких диалектах. В тексте имеются также примеры, в которых в подобных случаях мы видим звук [o], передающийся на письме посредством буквы *o*, например:

гробсаин (с. 14) ‘в загробье’, досл. ‘за гробом’, *обидаез* (с. 17) ‘обида (вин. п.)’.

16. Использование гласного звука [ø] или [ы] на месте [э] в коми-пермяцком литературном языке в одном слове: *øшишø* (с. 3, с. 19), *ышишø* (с. 33) ‘еще’ // кп. лит. *эшø*.

17. Наличие гласного звука [э] вместо [и] в коми-пермяцком литературном языке в слове *кыз небудь* (с. 19) ‘как-нибудь’ // кп. лит. *кыз-нибудь*.

18. Использование гласного звука [у] на месте [о] в коми-пермяцком литературном языке в лексеме *суседлøn* (с. 38) ‘у соседа’ // кп. лит. *соседлøn*. По мнению Р. М. Баталовой (Баталова 1975: 78), это слово могло заимствоваться в таком виде из русских говоров.

19. Наличие гласного звука [э] на месте [а] в коми-пермяцком литературном языке и в русском в слове *счесьё* (с. 35) ‘счастье’ // кп. лит. *счастье*.

20. Использование гласного звука [и] на месте [э] в коми-пермяцком литературном языке и в русском: *звиррез* (с. 13) ‘звери’ // кп. лит. *зверрез*; *письняезøn* (с. 14) ‘с песнями’ // кп. лит. *песняэзøn*; *ричкаездынø* (с. 20) ‘к речкам’ // кп. лит. *речкаэз дынø*; *змйез* (с. 15) ‘змеи’ // кп. лит. *змеяз*.

21. Передача русских звуков [x], [ц], [ц], [ф], [р’], не имеющих в коми-пермяцком языке. В тексте эти звуки передаются и коми-пермяцкими звуками, и русскими. Примеры:

а) русск. [x] → кп. [к]/[х]: *китрøсть* (с. 4) ‘хитрость’, *кøтя* (с. 9) ‘хотя’, *монаккез* (с. 6) ‘монахи’, *Христос* (с. 29) ‘Христос’;

б) русск. [р’] → кп. [р], [р’]: *монастыр везьтын* (с. 39) ‘возле монастыря’, *Аркангельской монастырь* (с. 37) ‘Архангельский монастырь’;

в) русск. [ц] → кп. [ч], [с]: *конечтøm* (с. 11) ‘бесконечный’, *сарсво* (с. 23) ‘царство’;

г) русск. [ц] → кп. [ш], [шш], [щ]: *тøваришш* (с. 25) ‘товарищ’, *øшишø* (с. 36) ‘ещё’, *Благовещеньнø* (с. 20) ‘Благовещение’;

д) русск. [ф] → кп. [п]: *капедральнøй* (с. 37) ‘кафедральный’.

Сегодня в художественных текстах коми-пермяцких писателей подобные слова встречаются как с коми-пермяцкими звуками, так и с русскими. Аналогичная ситуация наблюдается и в коми-пермяцких диалектах.

На наш взгляд, все вышеописанные фонетические особенности в русских заимствованиях могут встречаться в той или иной степени во всех современных коми-пермяцких диалектах.

Вывод

Таким образом, большинство выявленных нами фонетических особенностей данного текста характерно для севернопермяцких диалектов. Три особенности (именно: 1) употребление слова *голуби* в форме *дыдыыз*; 2) употребление звука [л] вместо [й] в основе *келм-* // кп. лит. *кейм-*; 3) аффрикатизация [ж] и [з']) позволяют конкретизировать в той или иной степени использованный в тексте диалект – это кочёвский диалект северного наречия коми-пермяцкого языка. Для более точного определения диалекта, положенного в основу этого текста, нужно провести полный лингвистический анализ текста.

Сокращения

Языки и диалекты: ис. – исаевский говор севернопермяцкого наречия; кп. – коми-пермяцкий; кп. лит. – коми-пермяцкий литературный язык; пукс. – пуксибский говор севернопермяцкого наречия; русск. – русский.

Падежи: вин. п. – винительный падеж; вступ. п. – вступительный падеж; род. п. – родительный падеж; исх. п. – исходный падеж; местн. п. – местный падеж; тв. п. – творительный падеж.

Литература и источники

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. – М.: Наука, 1975. – 252 с.

Гайдамашко Р., Левичкин А. Первые рукописные коми-пермяцкие словари и грамматика: археографическое описание списков // *Linguistica Uralica* LVI. – 2020. – Вып. 4. – С. 258–274.

Дмитриева Р.П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика и морфология): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1998. – 18 с.

КПЯ 1962 – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: учебник для высших учебных заведений / Под редакцией и при соавторстве проф. В.И. Лыткина. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное изд-во, 1962. – 340 с.

КЭСКОЯ – Краткий этимологический словарь коми языка / [сост.] В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев; под ред. В.И. Лыткина. Переиздание с дополнением. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.

Пономарева Л.Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2002. – 206 с.

Пономарева Л. Г. Речь северных коми-пермяков. – М.: Языки Народов Мира, 2016. – 514 с. + цв. илл.: 8 с.

Св. Стефанъ – Святый Стефанъ Великопермскій. На пермяцкомъ языкѣ. Изданіе Священника Іакова Шестакова. – Казань: Типографія Императорскаго Университета, 1899. – 46 с.